

Ю. В. ГОТЬЕ

**К. П. Победоносцев и наследник
Александр Александрович. 1865—1881**

Биографии К. П. Победоносцева не только научной, но и какой бы то ни было, до сих пор нет. Он пересидел свое могущество, ушел под шум революционного движения 1905 г. и умер два года спустя, почти забытый. Исторический интерес к нему не успел еще пробудиться, когда война 1914 г. и революция 1917 года поставила русской жизни новые задачи. С 1917 года изучать жизнь и деятельность столпа прежнего порядка стало много проще и легче, но интерес к личности Победоносцева не пробуждался, потому что и сам он и вся его эпоха были заслонены грандиозным переворотом, совершившимся в России. Между тем Победоносцев несомненно заслуживает полной и подробной биографии и притом такой, которая была бы настоящим научным исследованием, словом, одной из тех биографий, классические образцы которых встречаются в большом числе в английской исторической литературе. Он заслуживает ее несмотря на всю скудость идеологии, которая составляла одну из характерных его черт как государственного деятеля, а может быть в силу этой скудости, так как она не помешала ему быть вдохновителем и руководителем русской государственной политики в течение всего царствования Александра III и первых лет царствования его преемника.

Можно думать, что заботы о будущей своей биографии не были чужды Победоносцеву при его жизни. Он заботливо накапливал рукописные фонды, из которых его жизнеописатели могли почерпнуть сведения о его делах и помышлениях в том виде, как они представлялись ему самому. И нужно признать, что если собранные им документы и переписка с близкими ему людьми не могут ответить на все вопросы, связанные с его деятельностью, то они, конечно, дают очень много и вдохнут жизнь в сухой материал официального делопроизводства, к которому не преминет прибегнуть его будущий биограф.

В одном из поздних писем к Александру III Победоносцев так говорит о рукописном материале, который он хранил в то время у себя. «По поводу дневника И. В. Рождественского приходит и мне на мысль заранее заявить пред в. в., что я, с тех пор, как переехал сюда из Москвы и вступил в непреременную и разнообразную работу, не имел обычая записывать все то, что со мною случалось и чему я был свидетелем. И не потому, чтоб я считал это ненужным или опасным, а просто потому, что не находил к тому досуга и времени...

Правда в последние годы, особенно с 70-х годов, я был свидетелем, отчасти и участником многих важных событий и мог бы многое интересное записать, но никогда не успевал это сделать; притом, чем важнее события, тем труднее описывать их, а в последние годы прошлого и в первое время нового царствования, все, что я видел, производило во мне такое сильное возбуждение, что не было бы силы с пером в руке, весть какую-нибудь хронику.

Это же возбуждение, при сердечной боли о многом, не позволяло мне передавать кому-либо свои впечатления, конечно, кроме жены моей. Был только один человек, близкий по душе нам обоим, — это покойная Катерина Федоровна Тютчева. К ней одной писал я по душе в тревожную эпоху 1880—1881 года и эти письма составляют единственный материал моих впечатлений. После ее смерти переписка эта возвращена мне и я намерен когда-нибудь, запечатав ее, отдать на хранение в Публичную Библиотеку.

В. в-у памятно, что в первые годы вашего царствования вы оказывали мне близкое доверие. Следы его действительно хранятся у меня, но не в виде каких-либо записок. Это различного рода бумаги, которые характеризуют эпоху с ее волнениями, отчасти все, что от вас мне присылалось, и записочки ваши. С своих писем ничего у меня не оставляется, ибо я пишу все прямо набело. Все эти материалы никому, кроме меня, не известны, но я собирал их по годам в папки, коих имею несколько, с надписью “*Novum regnum*”¹. Вот одно, что после меня останется, — и все это я готов буду хоть теперь же сдать в безопасное место.

Пишу об этом вот с какою целью. Я уже стал стар и вероятно недолго уже останусь, а человек может умереть внезапно, и не хотелось бы мне, чтоб после меня жену мою тревожили розысками бумаг, имеющих политическое значение» *.

* Письма П<обедоносцева> к Александру III, т. II, с. 275–277; письмо от 28 апреля 1893 г.

Итак, одним из фондов, собранных самим Победоносцевым и им же действительно переданных в государственные хранилища рукописей, является его переписка с Екатериной Федоровной Тютчевой, хранящаяся в Ленинской библиотеке. Впрочем, все собрание писем следует точнее назвать перепиской с Е. Ф. Тютчевой и ее сестрой А. Ф. Аксаковой, хотя из 550 с лишком писем, его составляющих, не более 40 относятся к переписке с последней*.

Что заставило Победоносцева поддерживать оживленную переписку с дочерью поэта Тютчева? Он познакомился с Анной Федоровной в начале 60-х годов при дворе, когда она была воспитательницей дочери Александра II, а он был приглашен читать лекции первому наследнику, в. к. Николаю Александровичу. Несколько позднее через Анну Федоровну он познакомился с ее сестрой, всегда жившей в Москве. Когда Анна Федоровна в 1865 году вышла замуж за И. С. Аксакова, ее переписка с Победоносцевым постепенно ослабела и сестра заняла ее место в качестве его постоянной корреспондентки. Впрочем дружеские отношения Победоносцева к прежней корреспондентке не прекратились. С ее мужем, И. С. Аксаковым, своим старшим товарищем по Училищу правоведения, Победоносцев дружил издавна. Отношения с Аксаковым охладились лишь много позднее, когда церковная политика обер-прокурора Синода отдалила от него искреннего и порывистого издателя «Руси»². Но в 60-х и 70-х годах, переписываясь с Е. Ф. Тютчевой, Победоносцев через нее продолжал вести сношения с Аксаковым. В его письмах к Е. Ф. беспрестанно встречаются поручения и советы, которые она должна передать Ивану Сергеевичу, в особенности когда возникали недоразумения между пылким московским славянофилом и нерасположенными к нему петербургскими властями. Из этого можно вывести предположение, что через Е. Ф. Тютчеву Победоносцев переписывался с московским кружком славянофилов, к которому сам себя причислял и в котором вращалась Е. Ф. Но такое объяснение можно принять только для первых годов переписки. Позднее, примерно с середины 70-х годов, центром переписки становится, несомненно, сама Е. Ф. Тютчева. Образованная, живая, всем интересующаяся Е. Ф., потерявшая в 1876 г.

* 6 писем А. Ф. Тютчевой к Победоносцеву за 1865 г. напечатаны в 6-й книжке «Р<усского> арх<ива>» за 1905 г. 13 писем Победоносцева к Е. Ф. Тютчевой за март–май 1881 г., большей частью не полностью, а в отрывках, напечатаны в «Русск<ом> архиве» за 1907 г., книжка 5.

Ю. Ф. Самарина, с которым ее долгие годы связывали узы самой тесной духовно-возвышенной дружбы, как бы переносит часть этой дружбы на Победоносцева; с ним ее роднят не только присущие обоим славянофильские черты, но и одинаковое, как по крайней мере думала Тютчева, понимание веры и церкви. Со своей стороны Победоносцев в этой чуткой, отзывчивой и умной женщине приучается видеть доверенное лицо, воплощающее для него любимую им Москву, которой он может, не подвергая себя никакому риску, излить свои наблюдения и впечатления, почерпнутые в придворных и правительственных кругах Петербурга — «этого проклятого места», как он часто называет столицу империи; «только для вас, милая Е. Ф., не рассказывайте никому»: такой заголовок стоит на письме от 27 апреля 1881 г., в котором он рассказывает свою последнюю решительную схватку с Лорис-Меликовым, Милютиным и Абазою перед манифестом 29 апреля³. Если познакомиться с Е. Ф. Тютчевой по ее письмам, то мысль, что она могла быть и действительно была доверенным корреспондентом Победоносцева, станет понятной и очевидной. С каждым годом их переписка становилась все оживленнее, пока не прервалась почти внезапной кончиной Е. Ф. Тютчевой 11 марта 1882 г. Слишком много интимных мыслей и доверительно высказанных взглядов и суждений было в письмах Победоносцева к его умершему другу и весьма понятно, что после смерти Е. Ф. Тютчевой Победоносцев попросил Анну Федоровну Аксакову вернуть ему письма, написанные им ее сестре. «Сейчас получил от Галагана пакет с письмами и спешу вас уведомить о том, милая А. Ф., и благодарить за вашу заботу. Смотрю на этот пакет и опять острая боль просыпается в душе» *. Таково содержание последнего краткого письма Победоносцева к А. Ф. Аксаковой от 4 апреля 1882 г., заключающего собою все собрание писем. Отмеченная сейчас основная черта переписки — ее доверительный характер, признанный самим Победоносцевым в вышеприведенном письме его к Александру III от 28 апр<еля> 1893 г., и наличие в ней ясной и в то же время непринужденной формулировки самим Победоносцевым его взглядов на самые разнообразные вопросы государственной и общественной жизни России в самые ответственные моменты его карьеры, заставили его сохранить его переписку с сестрами Тютчевыми для будущих биографов и исследователей его деятельности. За это его можно только поблагодарить.

* Номер 552. Письма, входящие в состав переписки Победоносцева и сестер Тютчевых, обозначаются номерами, под которыми они значатся в приготовленном для печати издании.

Переписка Победоносцева с Е. Ф. Тютчевой и А. Ф. Аксаковой не есть, конечно, исчерпывающий источник для описания жизни Победоносцева, но будущие биографы найдут в ней много благодарного материала для освещения как отдельных моментов, так и связанных процессов, из которых слагалась эта жизнь. Не мало даст она и для изучения его взглядов и суждений. Сопоставляя эту переписку с другими, в настоящее время уже опубликованными источниками, относящимися к Победоносцеву, в частности, с изданными Центрархивом⁴ «Письмами Победоносцева к Александру III*» и с изданным в 1923 г. Румянцевским музеем⁵ богатым, но по содержанию своему разрозненным материалом, тем самым, которому Победоносцев еще при жизни дал общее заглавие «*Novum regnum*»**, можно уже теперь ставить себе задачей освещать отдельные стороны жизни и деятельности этого государственного человека последнего времени империи. Именно такой характер носит и настоящий небольшой опыт. В переписке Победоносцева с Аксаковой и Тютчевой за 1863—1881 годы рассыпано немало известий об отношениях Победоносцева к будущему императору Александру III. Систематически группируя эти известия, можно, думается мне, проследить интересный процесс, при помощи которого скромный чиновник московского сената, профессор московского университета и автор классического курса русского гражданского права, далекий и чуждый придворным кругам, постепенно превратился в «вице-императора», в долголетнего влиятельного и безответственного руководителя внутренней политики русской империи.

С будущим императором Александром III Победоносцев впервые познакомился в 1861 г., когда ему поручено было преподавать законоведение, т. е. читать лекции по юридическим предметам наследнику Николаю Александровичу и его братьям, в князьям Александру и Владимиру. Однако до 1865 г. в. к. Александр не являлся для него предметом большого внимания и интереса. Он совершенно заслонялся фигурой его старшего брата, несомненно гораздо более живого и талантливого. К Ни-

* Письма Победоносцева к Александру III, т. I, М., 1925. (313 писем за 1865—1882 гг.). 17 писем из этого собрания, с 3 марта по 4 мая 1881 г. уже были напечатаны проф. В. И. Пичетой в 4-й книжке «Красного архива»; они соответствуют номерам 252—260 и 261—269 издания Центрархива, т. II, М., 1926 (142 письма 1883—1894 гг., 28 писем к Николаю II 1890—1902 гг. и 18 писем к в. кн. Сергею Александровичу 1884—1902 гг.).

** К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и Записки. Т. I. *Novum regnum*. М. 1923.

колаю Александровичу, которого в 1863 году он сопровождал в путешествии по России, Победоносцев привязался очень сильно. Была ли эта привязанность и любовь результатом искреннего влечения профессора к своему молодому ученику, или же она имела более наружный характер и была путем к осуществлению честолюбивых замыслов обеспечить за собой влияние на наследника престола, для решения этого вопроса нет достаточного материала.

Еще в самых первых письмах к Анне Федоровне, тогда еще Тютчевой, встречаются теплые отзывы о Н. А.

«Я своего в. князя тоже люблю и все что до него касается, меня трогает: в нем есть струны, которые могли бы зазвучать, есть цвет, который мог бы раскрыться... дай бог только ему здоровья; а слышно, что он не совсем себя хорошо чувствует за границей» *.

Его ранняя смерть 12 апреля 1865 г. дала повод к горячему выражению охвативших Победоносцева печали и горя.

«О какое горе, Анна Федоровна! Какое горькое и страшное горе! Какая тоска! Такая тьма попала на душу — всю светлую неделю прожил в агонии, от одной телеграммы до другой, и все еще таилась надежда, а сегодня страшная весть все унесла, все разорила — нет нашего милого цесаревича и всякую минуту его, точно живого, видишь перед собою.

Кого и что оплакиваю, не умею сказать. Его ли молодую жизнь, его ли погибшую силу и счастье только что распустившееся, — или милое, дорогое свое отечество — одного не умею отделить от другого... Всем горько, все притихли и приуныли от страшной вести, но мы, знавшие его, всего сильнее чувствуем, что значит для всех потеря нашего царевича... Я верю, я чувствую всей душой... что этот час — роковой час в судьбах России. На него была надежда, и в каждом из нас, знавших его, эта надежда оживала тем более, чем темнее становился горизонт, чем сильнее стали напирать темные силы, чем безотраднее казалась обстановка судеб наших. На него была надежда — мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса... И эту надежду бог взял у нас. Что с нами будет? Да будет его святая воля» **.

«Le roi est mort, vive le roi!»⁶, гласит старая французская поговорка. Однако Победоносцев ей не сразу последовал. Переход от поклонения угасшему светилу к культу восходящего солнца он переживал тяжело.

* Номер 17. 14/ХП, к 1864.

** Номер 20, 12 апр. 1865; Номер 21, 24 апр. и номер 22, 1 мая.

Вот что он пишет А. Ф. Тютчевой в апреле и мае 1865 г.

«А после обедни, когда неожиданно принесли манифест и провозгласили многолетие новому наследнику, рыдание меня душило, я еще не могу слышать, как другого на его пустое место поминают» *.

«Я радуюсь всему, что Вы пишете про Александра Александровича, но признаюсь все радуюсь как-то машинально. Для меня все еще он, все покойник, представляется наследником, а другого я все еще не понимаю, не могу себе представить» **.

При новом наследнике Победоносцев занял то самое место, которое занимал при старом. Он продолжал читать ему лекции и еще раз совершил в свите А. А. традиционное путешествие по России, которое наследник престола должен был совершить.

«В июне, бог даст, приедем (с женой) в Москву, а потом мне придется, кажется, скрепя сердце, пуститься снова по старой по грустной дороге провожать нового наследника» ***.

Только к 1867 г. относятся первые благоприятные отзывы Победоносцева о новом наследнике. Победоносцев привыкает к А. А. и начинает находить в нем качества, которых ранее, видимо, не замечал.

«А. А. со времени своей женитьбы много изменился, на мой взгляд, к лучшему, — он стал спокойнее, веселее, живее, свободнее. Когда он чувствует свободно, вы знаете, какое у него бывает доброе, ясное выражение в глазах. Кажется, когда бы мать могла свободно взглянуть ему в глаза в такую минуту, она полюбила бы его ****.

«Уроки мои продолжают, Решительно каждое утро езжу либо в Аничков, либо в Зимний к Владимиру. Признаюсь, что эти занятия немало утомляют меня, — утомляют неопределенностью круга, в котором надо действовать. Но чувствую, что надо делать дело, куда меня оставляют. Отношениями своими к молодым я вообще доволен: оба они, по-видимому, доверяют мне, и я люблю их обоих. Не поверите, как много успел А. А. с тех пор, как стал сам по себе. Сравнивая прежнее время, с жениховства, я его не узнаю. Он стал яснее, свободнее, и душа у него поистине прямая и честная — к нему привязаться можно. Сердце у него русское. Отношения у него с женой, кажется, самые дружественные и, сколько я мог заметить, они друг друга лю-

* Номер 21. 24/IV 1865.

** Номер 22. 1/V, 1865.

*** Номер 29. 21/IV 1866, к А. Ф.

**** Номер 35, 2/II 1867, к А. Ф.

бят. Жаль, что нет около них, особенно около нее, такого человека, кому бы они верили и кто мог бы людей приводить к ним и помогать им в приеме и в знакомстве с людьми» *.

Очень характерны последние слова: молодой чете нужен человек, которому бы в. князь и его жена верили и который был бы посредником между ними и внешним миром, иначе сказать, постоянный руководитель в частной и общественной жизни. Можно сказать, не рискуя впасть в ошибку, что в такие руководители Победоносцев прочил самого себя. Будущее показало, что в этом отношении его старания увенчались полным успехом.

Покровительственное отношение к наследной чете, уже столь заметно проглядывающее в 1867 г., так же ясно видно из писем и в одном из писем 1868 г. к той же А. Ф. Аксаковой.

«По понедельникам и субботам бываю у цесаревны — она очень добра и проста по натуре; но, — Боже мой, — как дети в пустыне живут они, как овцы, бродящие без пастыря, и иногда сердцу бывает больно смотреть на них. Я читаю и говорю с нею по-русски; к сожалению, это упражнение в русском языке только тогда у ней и случается, когда я прихожу к ней на один час и, вслед за мною, Янышев. Сколько ни уговариваю, сколько не убеждаю, не могут они найти времени и людей для постоянного, непрерывного упражнения. Вы знаете, до какой степени они рабы привычки, правила, распределения часов, и в какую лень и бездейственность при этом впадают. Но все ждут они внушения свыше, а родители молчат, ворчат и — сами бездействуют по роковому закону придворного быта» **.

В конце 60-х годов отношение Победоносцева к будущему Александру III возможно определить, как отношение благожелательное, симпатичное, но в то же время покровительственное и отчасти жалостливое, очень похожее на отношение взрослого человека к малым ребятам. Такое отношение хорошо иллюстрируется письмом Победоносцева к наследнику престола по поводу похорон митрополита Филарета в 1867 г.

«Я еду сейчас в Москву с в. к. В. А. Простите, в. в., что, не будучи призван, беру на себя обратиться к вам с усерднейшим представлением. Ради бога, если есть какая-нибудь возможность, приезжайте в Москву на похороны митр. Филарета. Нынешняя минута очень важна для народа. Весь народ считает погребение митрополита делом всенародным. Он ждет и жаждает приезда в Москву государя императора. Е. в-ву нельзя приехать — народ

* Номер 36, 21/III 1867, к А. Ф.

** Номер 50, 12/XII 1868, к А. Ф.

будет спрашивать от чего. Лучшим ответом на этот вопрос, лучшим удовлетворением народных желаний было бы присутствие в. в-ва. Оно засвидетельствовало бы всем полноту участия, принимаемого царским семейством в народной и государственной утрате и заставило бы сердце народное забиться еще сильнее любовью к государю и к вам. Я думаю, что все верные слуги государства думают, что в такие исторические минуты, если народ жаждет видеть посреди себя самого государя и государь приехать не может, благо наследнику, который явится вместо родителя» *. Присваивая себе монополию истолкования народной воли, Победоносцев разъясняет только что начинающему свою карьеру наследнику его обязанности, разъясняет властно, настойчиво, как настоящий ментор, каким он себя считал и каким в известной мере был действительно.

Не менее характерен ответ неоперившегося, робкого молодого человека, которого просто не пустил в Москву отец. «Я, признаться сказать, сам уже хотел ехать в Москву... Но вот что произошло в Зимнем. Сначала я пошел к матери... Я даже прочел матери ваше письмо (надеюсь, что вы не имеете ничего против этого). Она одобрила совершенно мое желание и нашла это очень натуральным, чтобы я ехал в Москву. Итак, все шло хорошо... Но после нашего разговора пришел государь, и при нем я просил еще раз разрешения ехать в Москву. Вашего письма государю не показывал и даже не говорил, что вы мне писали, а просто просил от себя... Но государь отказал совершенно, говоря, что совершенно довольно Владимира, и что он находит это ненужным, чтобы я еще ехал. Потом он прибавил, зачем я раньше не сказал об этом, чтобы ехать вместе с Владимиром. Я отвечал, что ничего не знал, что брат едет, но что я еще поспею в Москву на похороны, если выеду отсюда сегодня вечером. Но ничего не помогло, ни мои просьбы, ни просьбы матери, которая говорила ему, что это было бы так хорошо, чтобы я ехал в Москву. Государь еще раз сказал, что Владимира достаточно, что мне ехать совершенно лишнее. Так все кануло в воду. Я пишу вам, добрейший К. П., чтобы вы видели, как все было, и чтобы вы не подумали, что я с своей стороны противился этому. Я желал только одно, чтобы вы меня не осудили в равнодушии к столь важной минуте для России. Я со своей стороны сделал все, что мог, но вы очень хорошо знаете, что благие намерения редко удаются, и поэтому мое желание подверглось той же участи» **.

* *Novum regnum*, 987. Письма Победоносцева к Александру III, т. 1, номер 4 (24/XI 1867).

** *Novum regnum*, 988.

За конец 60-х и начало 70-х мы располагаем очень небольшим количеством материала, в котором можно найти оценку отношений между Победоносцевым и наследником, исходящую от самого Победоносцева. Напечатанные в настоящее время письма Победоносцева к наследнику за весь длинный до Турецкой войны 1877—1878 гг. носят слегка льстиво-официальный характер. Чувствуется, что автор еще не вошел в доверие своего корреспондента, хотя и стремится к тому всеми средствами. Сохранившиеся за эти года письма и записки в. к. Александра к Победоносцеву частично восполняют этот пробел и позволяют следить за крепнущим влиянием Победоносцева. Последний до 1874 г., когда он был назначен членом гос. совета, был только сенатором, да еще до конца 60-х годов профессором, читающим лекции наследнику. Он не «состоял» при нем, т. е. не занимал какого-нибудь официального, служебного положения при в. к. Александре. Тем не менее, доверительные поручения всегда исполняются Победоносцевым, им же редактируются и важнейшие бумаги и письма, исходящие от наследника. Вот несколько примеров. Число их при желании можно увеличить. «Прошу Вас очень ответить мне на эту депешу и прислать мне обратно. Позвольте мне в этих случаях прямо посылать вам депеши для ответа. Я был бы очень рад Вас видеть, мы так давно не видались. Приходите когда-нибудь после похорон Елены Павловны, к завтраку в 1 час» *. Здесь видна и внешняя сторона сношений Александра с Победоносцевым: неофициальное свидание запросто в домашней интимной обстановке. «Посылаю вам письмо, которое я получил от В. П. Меццарского, которое прошу вас прочесть и никому о нем не говорить. Посылаю вам это письмо, потому что я в большом затруднении, что мне делать, и желал бы очень знать ваше мнение об этом, почему и прошу вас очень зайти ко мне завтра, после совета, или во вторник. По многим причинам я не желал бы исполнить эту просьбу Меццарского, но не хочу ничего предрешать, не переговоривши с вами, не узнав вашего мнения об этом деле» **.

Что роднило и сближало Александра с Победоносцевым? Что создавало влияние последнего? Материал, которым мы располагаем, дает частичный ответ на такой вопрос. Влияние устанавливал прежде всего авторитет профессора, учителя, который так громко звучит в вышеприведимом письме Победоносцева по поводу похорон Филарета. Но авторитет учености еще не создает

* Novum regnum, 995, 13/I 1873.

** Novum regnum, 996 (без даты, вероятно, относится к 1873 г.).

сердечной привязанности и доверия, даже когда дело касается совсем несформировавшегося характера, каков был характер Александра в 60-х годах. А доверие и привязанность были налицо со стороны Александра, как показывают приведенные выше его письма. Я думаю, что доверие, укреплявшее авторитет Победоносцева и ставшее основой его длительного влияния на Александра, развивалось вследствие нескольких исходных причин. Победоносцев был большой церковник. Я сознательно останавливаюсь на этом термине, так как вопрос об истинном характере религиозности Победоносцева, должен, по моему мнению, служить предметом особого специального исследования. Александр унаследовал от матери повышенное религиозное чувство, составляющее, по-видимому, отличительную черту Гессенского дома, чувство во всяком случае более сильное, чем у его отца и деда. Вот одна почва для сближения. В доверительных записках Александра не раз проглядывает сладкая самому Победоносцеву церковность, проявляющаяся в формах, чуждых Александру II и Николаю I. «Очень вас благодарю, любезный К. П., за присланное письмо. Я никогда иначе и не смотрел на эту газетную статью, как на гнусную ложь и слишком уважаю игуменью Марию, чтобы из-за этой статьи переменить мое мнение о ней» *. «Посылаю Вам, любезный К. П., обещанный мною образ Черниговской Божией Матери для того священника, про которого вы нам говорили в последний раз, что были в Царском Селе. Я думаю, что этот образ — точная копия того, который находится в Чернигове» **. «Посылаю Вам, любезный К. П., разные образа и воздуха, которые прошу вас очень послать архимандриту Николаю для раздачи в Японские церкви. Простите, что обращаюсь к вам, но я не знаю его адреса» ***.

Победоносцев не без основания считается близким к славянофилам. Многим он отличался от правоверных представителей этого направления, но многие из славянофильских идей он разделял и сам считал себя славянофилом. Александр, единственный из государей XIX века, был русский нутром человек и, в противоположность отцу, с симпатией относился к славянофилам. Как возникли в нем эти черты, может открыть только по-

* Novum regnum, 1102. 16/III — 1874. Игуменья Мария Давыдова — настоятельница Костромского Богоявленского женского монастыря, с которой Победоносцев был в постоянных сношениях.

** Novum regnum, 1006, 26/V — 1874.

*** Novum regnum, 1081.; арх. Николай Касаткин — впоследствии архиепископ православной церкви в Японии.

дробное изучение его личности. Во всяком случае, если его влечение к русскому быту, к старорусской жизни в формах, схожих с славянофильскими, не были вложены в него его учителем, Победоносцевым, то это был второй круг идей, сближавший обоих и усиливший влияние Победоносцева на Александра. И через Победоносцева и, вероятно, через близкую когда-то придворным сферам, Анну Федоровну Аксакову, Александр вошел в соприкосновение с московскими славянофилами и очень ими заинтересовался, несмотря на то, а может быть именно потому, что в то время славянофилы не могли похвалиться расположением высших правящих сфер. В марте 1867 года Победоносцев писал А. Ф. Аксаковой: «А. А. на днях писал к вам — верно вы получили письмо; он хотел просить вас, чтоб вы прислали ему “Рижские письма” Самарина⁷ — статьи о немцах в Москве очень его заинтересовали. Можете представить себе, в какую ярость приходят от этих статей здешние немцы» *.

Год спустя в письме Победоносцева к той же А. Ф. Аксаковой находим следующее интересное место.

«Изредка вижу и наследника. Странно подумать, какое бремя ожидает эту молодую чету, которая покуда живет беззаботно. Хотелось бы для них сделать добро, но вы лучше многих знаете, как трудно сделать добро в этой сфере. Исполняю свой долг в той мере, в какой могу, но и это скромное мое занятие давно уже сделало меня человеком подозрительным в глазах сильных мира сего. Не знаю, с какого времени, но чуть ли не с той поры, как Алкс. Алекс. написал вам известное письмо, прочитанное на дороге, надо мной тяготеет неопределенное, но незаслуженное подозрение. Не имею сомнения в том, что государь смотрит на меня подозрительно, с заднею мыслью, и знаю верно, что гр. Шувалов очень меня не жалует, хотя ни разу мы не говорили и он едва ли в лицо меня знает. Я попал в число тех, кому положено мешать и загораживать всячески дорогу» **.

Письма наследника престола подвергаются перлюстрации, а сам Победоносцев попадает чуть ли не в политически неблагонадежные лица за потворство в сношениях наследника престола с славянофилами, с каким-то Аксаковым, газета которого «Москва»⁸ только что была приостановлена, за критику правительственной политики в западном крае. Тем не менее, сношения Александра с славянофилами продолжают и ведутся через посредство

* Номер 36, 2/III 1867.

** Номер 46, 20/X 1868. «Рижские письма» были доставлены; это видно из недатированной записки Александра (Nov. regn., 981).

Победоносцева. Об этом свидетельствует следующая его записка, написанная 13 декабря 1868 г., два месяца спустя после приведенного сейчас письма Победоносцева к А. Ф. Аксаковой. «Любезный К. П., прошу вас очень послать это письмо Анне Федоровне. По почте я больше писем посылать не намерен. Простите за мою просьбу» *.

При письме от 28 октября 1869 г. к Александру Победоносцев представляет ему только что вышедшую книгу Н. А. Попова «Россия и Сербия». «Так как и автор достойный человек, и книга его хороша, то я и принял смелость», пишет Победоносцев, «быть его посредником у в. высочества». «Сербское дело во многих отношениях имеет важность для России, и книга Попова весьма обстоятельно знакомит с внутренним бытом и с историей сербского княжества за последнее столетие» **. Этот педагогический совет составляет главное содержание письма.

Продолжаются такие сношения и позднее. Вот известия о них по запискам Александра, относящимся к 1875 и 1876 гг.

«Записку Самарина я еще не успел докончить и пришлю на днях» ***.

«Весьма глупая и печальная история с речью Аксакова в Москве; необдуманно и сгоряча все это сделано. Пожалуйста, когда будете писать Анне Федоровне или самому Аксакову, поблагодарите ее за присланную речь ее мужа и за записку. Боюсь отвечать сам, чтобы не вышло опять какой-нибудь неприятности» ****.

В марте 1876 г. Победоносцев сообщил Александру о смерти Ю. Ф. Самарина и тут же дал ему яркую оценку: «Самарин был подлинно большой человек и великого ума, и души великой, возвышенной, и русского сердца. Он сам собою стоял и держал свою силою многих. И перед своими и перед немцами он был крепким и грозным представителем и русской веры, и русского ума и сердца, и, наконец, русского образования, в котором немногие могли с ним потягаться. Оттого и враги его уважали, а про друзей и говорить нечего» *****.

Перед войной, в эпоху увлечения петербургских придворных сфер балканскими славянами, Победоносцев устраивает лекции

* Novum regnum, 989.

** «Письма», номер 8.

*** Novum regnum, 1011 (6/IV 75).

**** Novum regnum, 1016 (16/III 77). Текст речи Аксакова в слав. комитете 6 марта 1877 г. был отбираем у имевших его полицией чрез посредство дворников.

***** «Письма», номер 41 (22/III 76).

В. И. Ламанского у императрицы; наследник является самым желанным их посетителем.

«Сегодня вызвали меня в Царское Село», пишет он Е. Ф. Тютчевой 25 мая 1876 г., «на первое чтение В. И. Ламанского о славянах, о славянском вопросе, о судьбах славянства... К великому огорчению моему, цесаревич не приехал и Ламанский, более всего рассчитывавший на него, был смущен этим. Впрочем, он не приехал не по лени, а оттого, что чтение назначено внезапно, а у него в этот самый час был прием» *.

Когда в 1875 г. Россию посетил угро-русский общественный и политический деятель Адольф Ив. Добрянский, входивший в сношения со славянофилами и официальными органами вроде славянских комитетов в Петербурге и Москве, Победоносцев, патронировавший Добрянского, устроил свидание последнего с Александром и тот принял его, не боясь обычных обвинений в русском панславизме со стороны австро-венгерского правительства. «Я с удовольствием могу принять завтра Добрянского», пишет Александр 13 марта 1875 г. «Пришлите его завтра в 12 часов». «Благодарю вас очень, любезный К. П.», пишет он в декабре того же года, «за присланную карточку старика Добрянского, которую я очень рад иметь» **.

Всякая «конспирация» сближает людей. Известную конспиративность отношений между Александром и Победоносцевым можно подметить еще в 60-х годах, в связи с неудавшейся поездкой на похороны митрополита Филарета, и особенно в сношениях с Аксаковым, по поводу которых и Победоносцев и будущий Александр III попали в число лиц, подозрительных в глазах шефа жандармов Шувалова и III отделения⁹. Но была еще одна область, в которой если не действия, то разговоры и мысли обоих интересующих нас лиц носили по необходимости доверительно-конспиративный характер. Это — их отношение к Александру II и к его управлению. Александр II был очень плохим отцом и воспитателем. Резкие столкновения на почве присущего слабому человеку и правителю ревнивого отношения к своей власти были у Александра II еще с первым наследником, Николаем Александровичем. Мешковатый увалень, не считавшийся особенно даровитым и в семейном кругу, новый наследник встречал со стороны отца чаще всего окрики и безапелляционные требования повиновения. Примером может опять-таки служить инцидент с поездкой на похороны м. Филарета. Между тем, разви-

* Номер 129, 25/V 76.

** Novum regnum, номера 1010, 1012. Ср. «Письма», I, номера 33 и 37.

вавшиеся не без влияния Победоносцева национально-славянофильские симпатии Александра будили в нем критическое чувство к управлению отца, особенно в некоторых вопросах политики внешней и окраинной, напр. Балтийской политики или Потаповской политики в северо-западном крае¹⁰.

Наконец, и это может быть было самым важным обстоятельством, оппозиционное чувство к Александру II, начиная со середины 60-х годов, росло в кругу его семьи и развивалось на почве семейных отношений. С 1864 г. началась связь Александра II с княжной Е. М. Долгоруковой, впоследствии княгиней Юрьевской, связь прочная, скоро переставшая быть тайной и поставившая в ложное и тяжелое положение императрицу. Семья и, в частности, прямой по натуре наследник престола, стали безусловно на сторону матери; враждебное чувство к отцу усилилось. Победоносцев, с подчеркнутой симпатией относившийся к обоим наследникам престола, совсем не любил Александра II. Еще в наследнике Николае он видел «надежду», в нем он искал «другого полюса», и когда тот умер, то начал по-своему политически воспитывать его пока бесформенного и грубоватого брата и преемника. Победоносцев не любил Александра II за государственную дряблость, за ненациональную политику, за недостаток благочестия и за семейную безнравственность. В доверительной переписке с сестрами Тютчевыми Победоносцев никогда не скрывал своего неприязненно-презрительного отношения к императору Александру II и его правлению. «Нам здесь, не поверите, как надоели преобразования, — пишет Победоносцев А. Ф. Тютчевой 14 декабря 1864 г., — как мы в них изверились, как хотелось бы на чем-нибудь твердом остановиться, чтоб знать, наконец, какое колесо у нас вертится и на каком месте какой работник стоит... Право иной раз можно вообразить, что живешь между детей, воображающих, что они взрослые: посудите, как это тяжело. И как часто на всем этом рынке проектов, во всем этом шуме дешевых и неглубоких восторгов вспоминаешь слова Иоанна «идолы у язычников — серебро и золото, дело рук человеческих. Очи имут и не видят, уши имут и не слышат, ноги имут и не ходят, язык имут и не говорят. Подобны им все, кто надеется на них и поклоняется им». На этом рынке идольском кто встанет, кто появится крепкий, чтоб разбить кумира и провозгласить бога истинного? У всякого идола — свои жрецы, которые и его и себя вместе с ним защищают» *.

* Номер 17.

В момент самого тяжелого кризиса русско-турецкой войны¹¹, в сентябре 1877 г., Победоносцев писал Е. Ф. Тютчевой: «И на кого рассчитывать? От кого требуется решение? Государь, повидимому, впал в пассивное состояние; решится ли он почти вопреки себя, взять метлу в руки, вымести прежних, взять новых людей. Во всю свою жизнь он как бы по природе боялся способных людей, избегал их, искал ничтожества, потому что на ничтожестве легче было ему успокоиться» *.

Когда за резкую речь в славянском комитете в том же сентябре 1877 г. И. С. Аксакову был объявлен высочайший выговор, Победоносцев замечает: «что выговор пришел оттуда, — тому не дивлюсь. Оттуда приходит все, что отсюда подносят... Надежды нет, что поднимется какая-нибудь сильная пружина и заставит сделать движение, усилие над собою, усилие самостоятельной, решающей мысли... И вот сила, которой мы двигаемся, вот точка, на которой приходится ставить рычаг и искать опоры» **. Возвращение Александра II с войны после взятия Плевны¹² дает повод к таким замечаниям. «Мы как будто на чем-то успокоились. На чем? Боже мой! Государь уехал из армии, осыпав наградами ослов и негодных людей и оставил осла командовать армией¹³ и держать в руках судьбы ее и судьбы России... Театры полны и оглашаются овациями в честь государя. Добрый человек — сердце в нем сказывается, но как горько в такие минуты не находить в нем самого драгоценного — воли сознательной, твердой, решительной» ***.

Отношение к Александру II не меняется и в разгар революционного движения 1879—1880 гг.¹⁴ «О самом владыке и говорить нечего: он жалкий и несчастный человек, и нет ему возвращения вспять. Бог поразил его: у него нет силы встать и управлять своими движениями, хотя и воображает себя живым и действующим и властным. Явно, что воля в нем исчезла: он не хочет слышать, не хочет видеть, не хочет действовать. Он хочет только бессмысленно волею чрева» ****. Такие же мысли по поводу 25-летия царствования. «А это 25-летие роковое, и человек его роковой — l'homme du destin для несчастной России. Бог с ним. Бог рассудит, виноват ли он или нет, только в руках у него рассыпалась и опозорилась власть, врученная ему богом и царство его, может быть и не по вине его, было царством лжи и мамоны,

* Номер 187.

** Номер 192.

*** Номер 201. 15 дек. 1977 г.

**** Номер 305, 29 янв. 1879 г.

а не правды» *. «Чрево» и «мамона» — это связь Александра с Долгоруковой. Победоносцев дает волю своему негодованию на императора по поводу женитьбы на своей фаворитке, последовавшей через 2 месяца после смерти императрицы, и по поводу мер, направленных к юридическому оформлению положения новой княгини Юрьевской. Напомню, что Победоносцев, близкий к наследнику престола, был близок и к только что умершей императрице Марии Александровне, особенно в последние годы ее жизни. «Воздух кишит сплетнями разного рода. Всех интересует вновь образовавшееся незаконное состояние, которое стремятся произвести в законность. Творец этого положения, по видимому, утратил уже и способность сознавать всю его нравственность, ложь и безобразие. Ему, вероятно, кажется легко свести в одном гнезде и законную свою семью и незаконную» **. «Настянет это роковое царствование, тянет роковым падением в какую-то бездну. Прости, боже, этому человеку, он не ведал, что творил, и теперь еще менее ведает. Теперь ничего и не отличишь в нем, кроме Сарданапала» ***.

Почва для конспиративных разговоров Победоносцева и будущего Александра III на почве критики политики царствующего императора была подготовлена еще в 60-х годах. Можно думать, что Победоносцев, презиравший в Александре II дряблость и отсутствие воли, старался найти противовес этому явлению, воспитывая волю в его наследнике, именно тем, что указывал ему на то, что по его мнению было язвами царствования его отца. Ясные следы того, что Победоносцев и наследник находили общую почву в критике существующего порядка, можно видеть в некоторых письмах Александра Александровича к своему доверенному человеку. Есть намеки даже на взаимное понимание в области царских семейных дел, несмотря на то, что соображения этикета и самая интимность этого круга явлений затрудняла к нему доступ для человека официально постороннего двору и царской семье, каким был Победоносцев.

В 1869 году, когда недавно назначенный Виленским генерал-губернатором ген.-ад. Потапов настоял на удалении из Вильны губернатора, контр-адмирала Шестакова, и попечителя учебного округа, П. Н. Батюшкова, более национально настроенных, нежели Потапов, наследник писал Победоносцеву, что «после удаления из Вильны Шестакова и Батюшкова, его больше ниче-

* Номер 315, 25 февр. 1880 г.

** Номер 381, 22.XI.80 г.

*** Номер 392, янв. 1881 г.

го не удивляет. Теперь такое время, что никто не может быть уверен, что завтра его не прогонят с должности» *. Близкое общение с отцом было бременем для наследника. Осенью 1873 г. он пишет из Ливадии. «Благодарю вас, любезный К. П., за присланную книгу. Здесь мне больше свободного времени, но эта свобода, как известно, для меня хуже неволи. Что здесь хорошо, так это утро, потому что оно совершенно свободно до половины первого, а потом мы собираемся к завтраку и потом уже начинается настоящая Ливадская бестолковая жизнь» **. Еще более характерно по своим смутным намекам на разногласия и в области политики и в области семейных отношений письмо наследника почти накануне войны из той же Ливадии от 23 октября 1876 г. Там в Ливадии рядом с императрицей, наследником и семьей последнего пребывала и княжна Долгорукая. «Благодарю вас, добрейший К. П., за ваши письма; последнее получил сегодня утром. Я вам очень благодарен за них, и, что мне сделало удовольствие, это что мы сходимся во многом с вашими взглядами на теперешние события. Обо многом, до получения вашего первого письма, я говорил с императрицей и тоже меня постоянно мучило, что государь в настоящее время не в Петербурге, а так далеко на окраине... в двух шагах от Турецкой границы.

Да бывали здесь тяжелые минуты нерешительности и неизвестности и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь: все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь все вертится на двух министрах, Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избегнуть войны, потому что чувствует, что многое прорвется наружу... Государь сам полагает, что без войны мы ничего не добьемся, и решился на войну и желал бы как можно скорее развязки, но как ее добиться, вот в чем вопрос, потому что дипломатия так все запутала, что без положительного повода войны нельзя объявить Турции.

Как-то пройдет нынешняя зима? Что принесет она? Столько времени потеряно напрасно, вот что грустно. Я вполне разделяю ваше мнение о том, что пора бы правительству взять в свои руки все славянские комитеты¹⁵, жертвования и все это народное движение, а не то бог знает, что из этого выйдет и чем оно может кончиться.

* Novum regnum, 994, 29.XII.69.

** Novum regnum, 999, 18.X.73.

Я воображаю, что за сумятица в Петербурге, да и вообще во всей России из-за того, что ничего не известно и все так не определено, когда даже здесь, откуда исходят все приказания и решения, бывают дни, когда никто ничего не понимает и не знает...

Собственно про Крым мне писать нечего. Вы знаете, что я его не особенно жалею, а уж нынешний год в особенности...

Простите мне, К. П., за это нескладное письмо, но оно служит отражением моего нескладного ума от всех теперешних событий, беспокойства, неопределенности и постоянного напряженного состояния» *.

Я думаю, что сделанные выше наблюдения позволяют сказать, что к началу русско-турецкой войны взаимные отношения Победоносцева и наследника престола успели приобрести прочную и определенную форму. Для Победоносцева Александр уже не был прежним ребенком, хотя и продолжал оставаться учеником. Но теперь он учил его не юридическим предметам, а жизни и будущей правительственной деятельности и уча его, видел в нем ту «надежду», которую когда-то потерял в умершем его старшем брате. Для Александра Победоносцев был не только учителем-советником, но и доверенным человеком, которому он поверял все свои политические мысли и даже посвящал в семейные неурядицы.

Сложившиеся в таком направлении отношения не изменились с началом войны и с последовавшим летом 1877 г. отъездом Александра на театр военных действий. Победоносцев по-прежнему остался его доверенным лицом, которому он откровенно писал с войны, его советником в трудных вопросах и его осведомителем о всем, что делалось и говорилось в Петербурге.

24 сентября 1877 года он пишет Е. Ф. Тютчевой.

«Я пишу обо всем откровенно цесаревичу, все ему выставлю, хоть и жаль еще прибавлять в его душу своей горечи» **. Он пишет: «Что с нами будет, одному богу известно и на него вся надежда наша. Одно могу сказать, что мы не унываем и духом не падаем. Говорят, в своей армии он чрезвычайно любим. Но из всего, что я пишу ему, что он может извлечь для дела? Если и станет говорить явно, то его не послушают, а только более раздражатся против него же» ***.

* Novum regnum, 1015.

** Это утверждение Победоносцева вполне соответствует истине. Доказательством служат 16 писем его к цесаревичу на театр войны. См. «Письма» I, номера 64–79.

*** Номер 187. 24.IX.77.

Несколько дней спустя он опять останавливается на Александре.

«Теперь в Болгарии главная моя забота о цесаревиче и его армии. Что-то господь поможет ему сделать теперь против Сулеймана-Паши?» *.

Главная квартира, т. е. в. к. Николай Николаевич и его окружение, неприязненно настроенные к наследнику, служат постоянным предметом враждебного внимания Победоносцева. Его собственное мнение о главнокомандующем уже известно нам. Намек на главную квартиру ясно чувствуется в приведенном отрывке из его письма к Тютчевой от 25 сентября. В том же письме есть другое место, в котором с полной ясностью видно, как он относился к главной квартире, от которой в данный момент отчасти зависела судьба наследника. «Тут рассказывают невероятные истории о Владимире Александровиче, будто он бог знает как ведет себя, кутит, что видели его пьяным, что он пропал без вести несколько дней и оказался в Бухаресте и т. п. ** Ни слова правды нет в этих историях, говорила мне цесаревна... И тут же прибавила, что верно все подобные истории сочиняются в главной квартире. Вот черты семейного союза и единодушия. И на этом-то союзе держится теперь судьба России. И что всего ужаснее, оказывается не на чем, кроме этого союза, утвердить ее. Вот от кого и отчего зависит слава России» ***.

Насколько прочными и неизменными оставались в свою очередь чувства Александра к Победоносцеву, показывают два письма его, написанные 8 сентября 1877 г. с бивака у деревни Долгий Монастырь и 31 октября из с. Брестовца в Болгарии. «Простите мне, любезный К. П., что я так долго не отвечал на ваше письмо, но я получил его в самое бойкое время для моего отряда и когда больше 2-х или 3-х дней я не оставался на месте». Сообщив далее подробности о военном положении, Александр продолжает: «Что делается и говорится в Петербурге? Часто теперь вспоминаем милую родину. Не думали мы, что так затянется война, а начало нам так удалось и так хорошо все шло и обещало скорый и блестящий конец, и вдруг эта несчастная Плевна, этот кошмар войны.

Вы можете себе представить наше отчаяние, когда государь объявил, что остается: никакие просьбы, никакие доводы не

* Номер 189. 30.IX.77.

** В. к. В. А. командовал в это время 12-м арм. корпусом, входившим в состав Рушукского отряда, которым начальствовал наследник.

*** Номер 187, 24.IX.77.

могли изменить решения государя. Теперь я решительно не могу себе представить, что будет делать государь, если война затянется до зимы, а может быть и до будущей весны. Неужели он не вернется в Россию?

Я решительно ничего не знаю о намерениях государя и вообще, что творится в главной квартире его, потому что ничего мне не сообщают, кроме как о военных распоряжениях, до нас касающихся. Пожалуйста, пишите мне иногда, потому что я решительно ничего не знаю, что делается у нас на родине. Мне никто не пишет из России, кроме жены и иногда императрицы, но, конечно, они не могут знать и слышать, как вы» *. Во втором письме находим интересный отклик Александра на сообщение, полученное от Победоносцева. Последний высказывался против возбуждения политических процессов во время войны. Конечно, трудно заподозрить его в симпатии к революционерам; им двигало тут другое соображение: политический процесс нарушал ту видимость гражданского мира, которая нужна была для ведения войны. Александр был того же мнения. «То, что вы пишете по поводу политического процесса, который теперь, к несчастью, уже начат в Петербурге, просто возмутительно; и нужно же быть таким ослом, как Пален, чтоб поднять всю эту кашу теперь» **. В конце письма накопившееся раздражение против главной квартиры заставляет наследника жалеть о предстоящем отъезде императора, чего полтора месяца перед тем он пламенно желал. «Да, не весело будет здесь оставаться в случае отъезда государя в Россию... Теперь еще все держалось только благодаря присутствию государя при армии, а не то бы наш главнокомандующий так бы напугал со своим милым штабом, что пришлось бы еще хуже нам... Пора бы и очень пора переменить главнокомандующего, а не то мы опять попадем в просак» ***. Кто на кого влиял в деле критики ведения войны главной квартирой, это не важно, но в этом вопросе оба корреспондента были вполне единомысленны.

Возвращение наследника в Петербург в феврале 1878 г. вызвало большую радость в Победоносцеве; он радовался вновь видеть своего ученика на той арене, на которой ему предстояло со временем играть первую роль и вместе с тем надеялся, что тяжелые переживания войны дадут ему тот жизненный опыт, которого ему ранее не доставало.

* *Novum regnum*, 1017.

** *Novum regnum*, 1018. Процесс, о котором говорят Победоносцев и Александр, был процесс 193.

*** *Novum regnum*, 1018.

«Приехал, наконец, цесаревич, чему я очень рад. Последнее время, проведенное с войсками, было для него жестоким испытанием. Говорят, он ходил как темная ночь и я боялся, как бы не влилось ему в душу слишком много желчи. Но, слава богу, он прояснился вскоре на обратном пути. Я ездил навстречу ему в Гатчину и имел утешение видеть ясную, блистающую радость супругов, свидетевшихся после 9-месячной разлуки. С тех пор я раз только видел его у него дома, за столом, где наконец явился хозяин. Он ясен по-прежнему, но вернулся, надеюсь, с большим запасом опыта, купленного не дешево. Радуюсь, что последние полтора месяца он провел с Тотлебенем и из беседы с ним вынес, конечно, много полезного для себя» *.

Переходя к последнему периоду отношений Победоносцева к наследнику до его воцарения, надо отметить один внешний факт, последствия которого были очень значительны. Весною 1878 г. в промышленных кругах Москвы явилась мысль об усилении русского флота путем приобретения быстроходных крейсеров на добровольные пожертвования. Так возник комитет, потом преобразованный в общество русского добровольного флота¹⁶. Покровительство над этим начинанием принял на себя наследник престола; председателем главного правления общества стал Победоносцев. Таким образом случилось, что дело, связанное с именем в. к. Александра Александровича повел его доверенный человек и политический ментор. По существу дело это не касалось высокой политики, но оно было важно тем, что впервые, если не считать периода чтения лекций, Победоносцев занял официальное положение при будущем императоре, т. е. стал его формальным сотрудником в деле, требовавшем определенных докладов, распоряжений и выбора людей. Кроме идеологической переписки и негласных советов, теперь создалась деловая обстановка, которая еще более сблизила Александра с Победоносцевым и сделала из последнего фактического и делового сотрудника будущего императора. Об этом постоянном деловом сотрудничестве говорят многочисленные, большею частью краткие письма записки Александра к Победоносцеву, написанные за эти годы, и обстоятельные письма последнего **. Для Победоносцева вести созиданием добровольного флота было предприятием совершенно новым. Но, и это не подлежит никакому сомнению, он

* Номер 207. 19.II.78.

** См. «Письма», начиная с номера 84. О делах и состоянии Добровольного флота Победоносцев продолжает постоянно сообщать Александру и после воцарения последнего.

был выдающийся юрист, отличный бюрократ и лично честный человек, и со своей задачей он справлялся в полной мере. Не сладко было ему приниматься за нее. «Дело это оттянуло мне руки» пишет он Е. Ф. Тютчевой 30 мая 1878 года, «и я не верю в него, а надобно его делать поневоле. Если б оно ограничилось одною простою задачей, — снаряжением судов, оно бы не тяготило меня. Но в Москве легкомысленно завязали его в такой узел, который не знаю, как и распутать... Его задумывают вести... вод верховным покровительством цесаревича. Дай бог, чтоб я ошибался, но я начинаю думать, что в этом замысле участвуют, кроме наивных людей и идиотов, еще другие, руководимые задней мыслью, в личном интересе. При таких условиях оставить в этом деле имя цесаревича немислимо, но из Москвы на этом настаивают со страстью. А я ставлю своей задачей выгородить его из этого дела; авось либо это удастся» *. Выгородить не пришлось и Победоносцев, оберегая будущего императора, стал организатором добровольного флота. Понятны его сетования на то, что добровольный флот выбил его из обычной колеи, из привычного круга занятий.

«Год тому назад, когда внезапно упало на мои плечи дело добровольного флота, я не мог предвидеть, что выйдет. А теперь вижу, что это дело повернуло меня совсем в другую сферу привычек, дел и отношений. Я перестал уже читать книги, — и читаю людей: совсем иного рода литература» **.

«Сближение с цесаревичем наложило на меня множество дел и обязанностей, которых я не знал прежде. Легко сказать со стороны — зачем брать на себя дело. Но есть положения, в которых нельзя молчать — надобно говорить, надобно писать, надобно убеждать, надобно советывать и противодействовать. Когда чувствуешь около себя живую силу — эта работа не трудна и не возбуждательна, но когда нет, она истощает душу, но оставить ее нельзя» ***.

Годы работы в качестве председателя общества добровольного флота совпали с эпохой усиления революционного движения и с напряженной, хотя и неискусной борьбой с ним правительства. Став с мая 1880 г. членом этого правительства в качестве обер-прокурора синода, Победоносцев пока не принимал однако прямого участия в политической борьбе. Его частные письма к Тютчевой за 1879 и 1880 г. полны едкой и желчной критики

* Номер 220. 30.V.78.

** Номер 270. 8.V.79.

*** Номер 310. 31.I.80.

мероприятий Лорис-Меликова и заботами о наследнике и о тех опасностях, которым он может подвергнуться. Наряду с постоянными сообщениями о делах добровольного флота это составляет очень заметную часть их разнообразного содержания.

«Ничего не слышно твердого, решительного, единого — и это страшно. Я хожу целый день в тревоге, ложусь, встаю с озабоченною и беспокойною мыслью. Забота моя и о цесаревиче — он один теперь здесь остался верхнею точкой, на которую несомненно направлен злой умысел. Может быть одно роковое мгновенье, — а о нем подумать страшно» *.

«С Аничковым дворцом беспрестанные сношения, большею частью на бумаге, — всякий день почти пишу туда длинные донесения, описания, иногда увещания и просьбы. Завтра должен ехать на целые полдня в Гатчину, где уже однажды провел целый день, — и вот уже 3-ью неделю добиваюсь, чтоб туда съездил цесаревич. Завтра обещал он ехать туда со мною для решительного дела, которое составляет важную статью забот моих — для испытания сооруженной нами подводной лодки» **.

«Когда Милютин уехал, я отправился по крайней нужде для переговоров к цесаревичу (по делам добровольного флота) и просидел у него час. Он стал последнее время свободнее в разговорах и суждениях; иногда сижу у него, не испытывая того неприятного ощущения, что чем скорее уйдешь, тем приятнее будет хозяину освободиться. Боже! Когда бы в нем прояснилась мысль и воля окрепла!» В ответ на это письмо (номер 310.2.11 80) Е. Ф. Тютчева пророчески предрекает ему его роль в будущее царствование. «Радуюсь тому, что вы пишете о цесаревиче. Дай ему бог мысль ясную и волю твердую. А ведь если сбудется это, то не безучастны будете в этом добре, которому вы служили столько лет» ***.

«После ужасного события 5 февраля¹⁷, — пишет далее Победоносцев, — я еще не был в Зимнем дворце: нет духу итти туда: горько. И что услышишь от гр. Блудовой? Был только сегодня в Аничковом. Забота о них тоже не выходит из головы у меня» ****.

«Цесаревича выдаю. Последние события не могли не произвести на него впечатления. В последнее время он говорит охотнее и свободнее; взгляды его на дело прямые. Они все смотрят на

* Номер 266. 14.IV.79.

** Номер 306. 7.I.80.

*** Номер 311. 5.II.80.

**** Номер 314. 12.II.80. Речь идет о взрыве, организованном Халтуринным.

дело так, как будто все делается каким-то приказом, как по волшебству и, главное, в себя не вникают и не дают себе труда. Боже мой! Как он будет править? Он и не видел, как правят мужи силы и разума. Правление отца его, которое он видит, есть отсутствие разума, силы и воли» *.

В письмах Победоносцева к Александру политические события затрагиваются не слишком часто. Однако кое-что можно отметить. Так, по поводу суда над В. И. Засулич¹⁸, Победоносцев раздражается длинным посланием с выходками против министерства юстиции, суда присяжных и обстановки, в которой происходило судебное заседание. «Не стану говорить», кончает он, «как веден был процесс, склонившийся совершенно к исследованию действий Трепова, а не подсудимой преступницы. Довольно и этого. Спектакль кончился тем, чего можно было ожидать с самого начала» **.

Покушение Соловьева¹⁹ (2 апр. 1879 г.) дает Победоносцеву повод в резкой форме изложить свои обычные мысли о слабости правительства и о необходимости сильных мер. «Надо объединить власть, вооружив ее средствами для *быстрой и решительной* кары. Надобно, чтобы казнь как можно скорее следовала за преступлением. А главное всего, надобно выбрать людей и не мешать им действовать. Стоит только захотеть и они найдутся; стоит государю призвать их и не слушать болтунов, трусов и лакеев, которые состоят — увы — ближайшими ныне советниками» ***.

Новый мотив в последние годы до воцарения Александра — это запугивание его грозящей ему опасностью. «Все эти дни думаю о вашей безопасности. Сегодня сказывали мне, что вы третьего дня проезжали в морской музей на музыку без провожатого и так же уехали обратно. Ради бога берегите себя, будьте осторожны. Повсюду теперь тайные злоумышленники и кто знает, что замышляют...» ****. Так писал Победоносцев 7 апр. 1879 г. несколько дней после того же покушения Соловьева.

19 июня 1880 г., когда наследник с семьей жил в Гапсале, Победоносцев пишет ему. «Забота о вас вынуждает меня и на письме сказать вам следующее: смотрите хорошенько за детьми: не выпускайте их гулять одних, особенно Николая Александровича, не оставляйте их без надлежащего присмотра. Не пускай-

* Номер 315. 25.II.80.

** «Письма» I, номер 81. 8.IV.78.

*** «Письма» I, номер 150. 2.IV.79.

**** «Письма» I, номер 152.

те их без себя кататься в лодке. Словом сказать, держите за ними зоркий глаз. Я имею особливую причину писать вам об этом: при свидании объясню какую, но о том, что теперь пишу, прошу вас не говорить никому и даже цесаревне» *.

За все долгие годы, пока крепла связь между Победоносцевым и Александром и росло опекающее влияние Победоносцева на наследника, есть только один намек на какое-то охлаждение в их отношениях. Оно относится к 1879 г.; чем оно вызвано, неясно; но в том, как описывает этот момент Победоносцев, как будто чувствуется какая-то обида, неосторожно и может быть, незаметно для самого себя, нанесенная Победоносцеву наследником или его окружением.

«Хозяева Аничковские теперь в Дании и, конечно, блаженствуют без забот. В последнее время отношения мои к ним как-то расшатались. Мне даже кажется, что А. А. как будто отшатнулся. Причины тому, по-видимому, никакой не было, но чувствуется охлаждение, как усиление равнодушия. Вы знаете, впрочем, что в придворных сферах это явление обыкновенное и лично я несколько не смущаюсь. Я знаю давно: «не надейтесь на князя». Эти воды покоятся в берегах своих, — но над ними играет солнце и пробегает облака, носятся то тени, то солнечное сияние. Всякий князь подобен человеку (о котором сказано в послании у Иакова), смотрящему на себя в зеркало. Посмотрел на себя, отошел и тотчас забыл, каков он» **.

Это, однако, лишь мимолетное явление, исчезнувшее, не оставив следа. Когда смерть Александра II возвела на престол его сына, тесная связь последнего с человеком, который издавна был его доверенным лицом, с политическим опекуном и воспитателем, а в последние три года и привычным деловым сотрудником, была крепче, чем когда-либо. Как только Александр II взошел на престол, за престолом стала небольшая хрупкая фигура в черепаховых очках, давно подготовившаяся к тому, чтобы стать тайным правителем России в царствование политически сформированного им императора.

На этом можно было бы поставить точку. Дальнейшие отношения между Победоносцевым и Александром III хорошо известны. Однако, в течение 1881 г., решительного года для жизни обоих, есть моменты, на которых стоит остановиться, так как они закрепляют то, что выработалось в долгие предыдущие годы и определяют будущее.

* «Письма», I, номер 228.

** Номер 280. 27.VIII.79.

Первые дни своего царствования, да еще такие тревожные, как первые дни царствования Александра III, были временем, когда все стояло под знаком вопроса, даже такие, казалось бы, крепкие связи, какие соединяли Александра III с Победоносцевым. Последний далеко не был уверен в том, что его влияние останется в силе, что в новой обстановке Александр III будет таким же послушным его орудием, каким он издавна привык его видеть в той сравнительно узкой сфере, в какой они ранее соприкасались друг с другом. Победоносцев познакомился с Александром, когда тот совсем еще не обнаруживал признаков той упрямой воли, которая потом отличала его как правителя. Он и теперь боялся, что новый правитель будет таким же безвольным, каким он был в молодости и каким был его отец. Надо впрочем добавить, что под «волей императора» Победоносцев подразумевал, как можно думать, волю, идущую по тому направлению, какое было желательно самому Победоносцеву, волю им, Победоносцевым, направляемую. Кто будет руководителем нового императора? Обнаружит ли он ту волю, которую вырабатывал в нем его прежний ментор? Вот вопросы, которые заботили Победоносцева в первые дни и недели нового царствования.

«Что будет с нами? Богу одному известно. Человеческая неизвестность совершенная. Ах! когда бы можно было бы слышать поворот воли! Но не видно, не слышно ничего. Боже, как мне жаль его, нового государя! Жаль, как бедного, больного, ошеломленного ребенка. Боюсь, что воли не будет у него. Кто ж поведет его? Покуда все тот же фокусник Лорис-Меликов; теперь, по всем признакам, он его опутывает, ибо у него ключи в руках и он хранит безопасность.

В первый вечер А. А. обнял меня со слезами и говорил: я уверен, что вы будете служить верой и правдой, как прежде служили. Я не ждал от него другого слова, но ради его самого желал бы услышать от него другое слово, дивное слово: как мне быть? что мне делать?

Я с тех пор не видал его; но писал к нему. Вчера один из простых людей приезжал ко мне в слезах: «ради бога, скажите государю, что прежде всего надо выслать отсюда Константина и княгиню Юровскую.

Я писал ему сегодня, писал, что ему необходимо заявить, как можно скорее, свою, личную, твердую волю, писал, что народ кричит о Мраморном дворце²⁰, писал, что надо думать о безопасности.

Он пишет в ответ простое слово, в котором видна душа простая и добрая. «От всей души благодарю вас за ваше задушевное

письмо. Молюсь и на одного бога надеюсь. Он не оставит нас и нашу дорогую Россию»*.

Послание к Александру, о котором говорит Победоносцев, сохранилось и теперь опубликовано. Оно написано было 3 марта. Вот наиболее характерные, типичные для Победоносцева места. «Бог велел нам переживать нынешний страшный день²¹. Теперь кара божья обрушилась на несчастную Россию. Хотелось бы скрыть лицо свое, уйти под землю, чтоб не видеть, не чувствовать, не испытывать. Боже, помилуй нас!

Но для вас этот день еще страшнее и, думая о вас в эти минуты, что кровав порог, через который богу угодно провести вас и новую судьбу вашу, вся душа моя трепещет за вас страхом неизвестного грядущего по вас и по России, страхом, великого несказанного бремени, которое на вас положено. Любя вас, как человека, хотелось бы, как человека, спасти вас от тяготы в привольную жизнь; но нет на то силы человеческой, ибо так благоволил бог.

Его была святая воля, чтобы вы для этой цели родились на свет и чтоб брат ваш возлюбленный, отходя к нему, указал вам на земле свое место...

Я не могу успокоиться от страшного потрясения. Не могу отогнать от себя гнетущей меня заботы об вас и о вашей безопасности. Простите, что в эти скорбные часы прихожу к вам со своим словом: ради бога, в эти первые дни царствования, которые будут иметь для вас решительное значение, не упускайте ни одного случая заявлять свою решительную волю, прямо от вас исходящую, чтобы все слушали и знали: «я так хочу», или: «я не хочу этого».

Никакая предосторожность не лишняя в эти минуты. Не я один тревожусь: эту тревогу разделяют все простые русские люди. Сегодня было уже у меня несколько простых людей, которые говорят со страхом и ужасом о Мраморном дворце. Мысль эта вкоренилась в народе»**.

В этом первом послании, написанном новому императору, можно заметить все главные приемы Победоносцева. Он смело,

* Номер 413. 3 марта 1881. «Р<усский> архив» 1907, кн. 5, с. 89. Ответ Александра III напечатан в *Novum regnum*, номер 16; он вполне точно передан Победоносцевым.

** *Novum regnum*. Номер 23. Это, вероятно, черновик, оставшийся в бумагах Победоносцева. Беловая редакция была несколько более краткой, см. в «Красном Архиве», кн. 4 (с. 320) номер 1 и «Письма», I, номер 252.

не дожидаясь никого и ничего, несколько часов после убийства Александра II, пишет его преемнику письмо, где властный советник не стесняется ссылаться на какой-то неведомый народ, чтобы свалить в. к. Константина, давно ему ненавистного за репутацию либерализма, за всяческие препятствия делу добровольного флота и за личные преследования близкого Победоносцеву лица — Н. М. Баранова, а сам принимает по отношению к новому государю образ не то Сильвестра, не то Вассиана Топоркова.

Остановлюсь еще на термине «народ», который находим в письме от 3 марта. С этого времени до самого конца жизни Александра III, Победоносцев, подсказывая императору те или иные мнения и планы и стремясь эти мнения и планы внедрить в его сознание, постоянно говорит о «народе», который думает именно так, как думает сам Победоносцев, и мнение которого олицетворяется только одним Победоносцевым*. Здесь мы стоим перед вопросом, на который имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают удовлетворительного ответа. Что это? Самовнушение, заставлявшее Победоносцева искренно думать, что он является истинным выразителем народных дум, или же сознательное лицемерие и ложь? Мы можем только сказать, что когда Победоносцев ссылался на «народ», слова его не соответствовали истине. Но корреспондент его, по всей вероятности, верил, что обер-прокурор Синода, столь близко стоявший к делам «народной» церкви и всегда подчеркивавший свою непридворность, действительно отражал в своих речах и письмах мысли и желания русского народа. Это обстоятельство должно было еще усиливать доверие императора и укреплять положение Победоносцева.

Не проходит недели, как к Александру посылается новое письмо, где ему предлагается переехать в Москву, призвать новых людей, в первую очередь гр. Н. П. Игнатьева, сменить Сабурова и назначить на место его барона Николаи. Очень характерно одно место этого письма, где Победоносцев властно внушает Александру, что его Победоносцева, устами говорит само провидение. «Простите меня за откровенную речь. Но я не могу молчать. Вам никогда не было неудобно слушать меня. Вы конечно чувствовали, — при всех моих недостатках, — что я при вас ничего не искал себе и всякое слово мое было искренне. Бог меня так поставил, что я мог говорить вам близко, но верьте, счастлив бы я

* См. «Письма», т. I, за 1881 и 1882 и т. II — 1883—1894 гг.

был, когда бы не выезжал никогда из Москвы и из своего маленького домика в узком переулке» *.

Написав это письмо 6-го марта, он на следующий день пишет Тютчевой. «Сегодня нетерпение взяло меня и я написал государю большое письмо. Мой план между прочим объявить Петербург на военном положении, переменить людей и затем оставить Петербург. Это проклятое место покуда очистится, уехать в Москву, если нельзя еще дальше. Кого он спрашивает? С кем он советуется?» **.

На этот раз, однако, совет ехать в Москву не был принят; вместо Москвы Александр несколько дней спустя уехал в Гатчину.

«А он что? Не знаю, не знаю, ничего не знаю... Что с нами будет? Думаю о Гамлете, которому тоже предстояло отомстить смерть отца своего. И кажется, когда бы мстить мечом, когда бы встать и спасти себя и все, можно ли ждать так долго?» ***.

«Кто мне он показывает доверие и расположение. 18 числа написал мне записку, просил придти в 2 часа поговорить. Говорили целый час. 20 числа он написал мне еще и просил вступить в переговоры с бароном Николаи о министерстве Нар. Просвещения. Потом 23 числа он призвал его к себе и дело устроилось. Сабуров смещен и слава богу ****. В преемники его никого не могу придумать пригоднее барона Николаи. Он, по крайней мере, человек твердых правил и старой школы, основательной культуры. Все прочие очень легки и ненадежны в своих воззрениях на дело.

Сегодня призывал он гр. Игнатьева: слышу, что назначил его на место кн. Ливена в мин. Гос. Имуществ. Этот слух сюрприз для меня. Я представлял себе другое назначение. А что с гр. Лорис-Меликовым и кого прочат вместо него, это вопрос, о коем я ничего не знаю. Страх берет меня думать, что он может остаться и утвердиться. Это вредный человек в настоящую минуту» *****.

* «Кр<асный> архив», 4-я кн., номер 11. «Письма», т. I, номер 253. Дом П. в Москве существует до сих пор под номером 6 в Хлебном пер.

** Номер 416. 6–7 марта 1881 г. «Р<усский> архив», 1907, кн. 5, с. 92.

*** Номер 419. 11 марта 1881 г. «Р<усский> архив», 1907, кн. 5, с. 93.

**** Подробный отчет о предварительных переговорах Победоносцева с Николаи изложен в письме Победоносцева к Александру III от 20–21 марта («Кр<асный> архив» IV, № IV. «Письма», номер 255).

***** Номер 426. 24 марта 1881. Три кратких записки Александра к Победоносцеву от 18, 20 и 23 марта вполне отвечают тому, что говорит о них Победоносцев в письме Тютчевой от 24 марта. См. *Novum regnum*, номер 19–21. Р<усский> архив, 1907, кн. 5, стр. 97.

Хотя апрель 1881 года принес с собою полное торжество влияния Победоносцева, хотя сохранившиеся записки Александра к Победоносцеву и его пометки на докладах Победоносцева могут убедить, что Александр и не думал выходить из повиновения своему старому руководителю, последний еще долго продолжал взывать к «воле» императора и бояться, что кто-то заменит его при нем. Очень характерно, что встречного влияния он боялся не только в ненавидимом им Лорис-Меликове, но и в других лицах, например, в человеке, им самим выдвинутом в свое время в связи с организацией добровольного флота, — в генерале Н. М. Баранове, который, опять-таки, по его настоянию, был назначен Александром III на должность Петербургского градоначальника. 31 марта 1881 г. он пишет Тютчевой. «Туман. Ничего не видать. Туман окутывает и Баранова. Я не знаю, что он делает и что замышляет, но в душе у меня нет доверия. Его невозможно оставить одного, без руки, которая держала бы его, а теперь никто его не держит. Он один ездит к государю и говорит ему, что хочет. А то, что он мне рассказывает в краткие и редкие минуты, мне не нравится и не внушает мне доверия.

Боюсь, нет ли тут плана запугать юного государя и взять его в руки. Боюсь, самый переезд в Гатчину не в связи ли с тою мыслью, чтоб изолировать его. В Гатчину ведь и попадать трудно. Это не то, что Царское Село» *.

Что очень интересно, в письмах Победоносцева к Тютчевой в последний год ее жизни, совпадающий с первым годом царствования Александра III, это неоднократно описание того, как технически он оказывал свое влияние на императора. В это время, как обер-прокурор синода, он занимал пост, равный министерскому, и поэтому в известные сроки имел официальные доклады у царя. Но они происходили далеко не так часто, как это было нужно для того, чтобы держать Александра под постоянным влиянием и подавать ему советы на всякий день. Для этой цели Победоносцев держался старых средств, выработанных в бытность Александра наследником. Получив в свое время право и возможность писать ему обо всем и просить свидания с ним во всякое, даже самое неурочное время, Победоносцев продолжал поступать так же и после вступления Александра на престол и Александр, привыкший и привязанный к Победоносцеву, не только не менял старых обыкновений, но охотно шел навстречу Победоносцеву.

* Номер 430. 31 марта 1881 г.

Вот типичный случай, относящийся к моменту суда над героями 1 марта. 26 марта Победоносцев, не стесняясь позднего времени, едет в 12-м часу ночи в Аничков дворец, чтобы выразить свое негодование на то, что обстановка суда слишком, по его мнению, мягка по отношению к подсудимым. Не довольствуясь своим вечерним визитом, он 30 марта пишет письмо к Александру III, в котором сурово спрашивает его, правда ли, что он собирается смягчить смертные приговоры *. Привожу выдержки из письма к Тютчевой, освещающие первый из отмеченных двух моментов.

«Процесс начался. Все устремились туда, — министры, члены гос. совета, ген.-адъютанты, сенаторы. Разве это не признак? Когда бы у них подлинно душа болела от того, что случилось и что происходило, разве достало бы у них духа присутствовать на зрелище? Моя душа не может понять этого.

Гр. Пален наполнил сенат ослами и либеральными чиновниками. Один из таких ослов и председательствует²². Преступники рисуются, высказывают свои “убеждения”, ухмыляются между собою и с адвокатами. А наши сановники торжествуют: вот де и такие преступники пользуются всеми гарантиями на суде.

Удивительное ослепление! Третьего дня приезжает ко мне Баранов: “когда бы вы видели, что происходит на суде” **. Я не выдержал и поехал уже в 12-м часу ночи к государю. Он сидел с высокими гостями в кабинете, но вышел ко мне в уборную. И он тоже слышал, удивляется и негодует.

Отсюда поехал я к Набокову, сказать ему, что государь его требует на другой день утром. Набоков лишь в 1-м часу ночи вернулся из суда в восторге. “Как все идет прекрасно! Какое назидательное, умиленное зрелище!” Боже, какой осел!» ***.

Перед самыми решительными апрельскими днями, перед битвой с Лорисом и Милютиным, Победоносцев сам устраивает свой театр войны и властно диктует Александру, кого звать на решающее совещание.

«21 апреля созвали нас в Гатчину к государю. Нас, т. е. меня, Лориса, Абазу, Милютина, Николаи, Владимира, Набокова. Государь исключил Валуева, Урусова. Хотел исключить Набокова, но я убедил его что неловко исключить министра юстиции, пока он остается в своем звании» ****.

* Novum regnum, номер 24.

** Дело идет о сенаторе Э. Я. Фуксе.

*** Номер 427. 28 марта 1881 г.

**** Номер 440. 27 апр. 1881 г. «Р<усский> арх<ив>» 1907, кн. 5, с. 98; письмо, в котором Победоносцев убеждает Александра в не-

Вот еще несколько примеров, показывающих, как Победоносцев технически проводил свое влияние. Они относятся к концу 1881 и началу 1882 г., когда волнения первых месяцев несколько улеглись, а правительственный обиход, официальный и неофициальный, уже вполне налажился.

«На днях я писал государю по одному предмету серьезному и вчера получил от него вечером милую записку, которой он приглашал меня приехать сегодня к часу, чтобы поговорить подробнее. Итак, я сегодня уже в 10 часов утра... отправился на жел. дорогу. После завтрака был разговор, несколько затянувшийся, так что я должен был ждать машину до 5 час. вечера»*.

«В ожидании поезда сижу в номере и ловлю минуту, чтоб написать вам несколько строк. Я не имею регулярной езды в Гатчину, но езжу туда, когда настанет надобность, что случается недели через две или через три. Уезжаю отсюда с личными хорошими впечатлениями, потому что и государь и императрица всегда так просты, добры и внимательны. Вы знаете, что я всей душой люблю государя; такие у него ясные глаза и такие чистые намерения и помышления, что нельзя к нему не привязаться. Лично в отношении к себе я не примечал в них ни малейшей тени. Тем приятнее мне их видеть и тем грустнее и прискорбнее думать о них, когда я уезжаю от них и погружаюсь в безбрежное море забот государственных и в разноязычный шум, который слышится отовсюду»**.

«Отношения мои к государю не изменились. Он по-прежнему прост, любезен и откровенен со мной; я не состою при нем и меня, конечно, не спрашивают обо всем, что решается. Но когда происходит что-нибудь весьма безобразное, я пишу к нему со всей откровенностью. Тогда он обыкновенно пишет мне очень милую записку, благодарит и зовет к себе. Я приезжаю, сижу с ним вдвоем, говорю ему все, он со всем соглашается, все понимает и я смотрю на него едва ли не со слезами любви и сострадания. Но что же делать? Ничего. Никакого акта воли, никакого решительного заявления.

И его положение ужасно. Невыразимо жаль его. Ему не на кого опереться, потому что он сам никому не может дать опоры в своей воле. Я вижу каковы люди. О, сколько я их видел! И как глубоко я чувствую ложь и лесть наших проповедников свобо-

обходимости пригласить Набокова, напечатано в 4 кн. «Кр<асно>го архива» под номером X и в «Письмах» под номером 262.

* Номер 508. 24 ноября 1881 г.

** Номер 501. 2 ноября 1881 г.

ды и парламентаризма, ожидающих, что все само собою сложится без власти, лишь бы власть отступила. Можно ли придумать для России больше безумия!» *.

«Опять я пишу вам из Гатчины. Вчера не было мысли ехать сюда, но потом разговор с одним человеком представил мне такую глубину бездны, что я поспешил быть у государя. Целый день я был в крайнем волнении. К вечеру поехал с Катей ** в монастырь, ко всеобщей, богу помолиться. Сегодня в каком-то опьянении приехал сюда, говорил и яснее стало. Сплетение невообразимое всяких сплетен, интриг, мелких человеческих слабостей, невежества и нравственного ничтожества.

Вот беда наша. Гр. Игнатъев человек не из чистого металла, напротив того, весь из лигатуры, но в нем звенит серебро русского инстинкта. Если бы не оно, эту монету бы выбросить далеко, далеко. Он весь сплетен из интриги и лжет и болтает невероятно. Но верите ли вы, что кроме его выставить в настоящую минуту некого. Сведи это имя с горизонта, тьма настанет, выставят разве гр. П. А. Шувалова; это будет конечная погибель. Оттого хватаешься за него, за лгуна, которому ни в чем нельзя поверить. А на этих днях дело идет о том, быть ему или не быть. Я чувствую, что это человек, которого не проймешь никакой правдой, но чувствую гибель, когда он уйдет. Есть где-то у Исаии пророчество, что десятеро ухватятся за одного негодного... Видно такое время приходит» ***.

«Писал вам из Гатчины. Надо было съездить, надо было сколько-нибудь рассеять тучу интриг и сплетен. Игнатъева хотели свергнуть очевидно. Кажется, теперь это миновало. Если б это случилось, добра не вышло бы в настоящую минуту» ****.

Победоносцев поддерживал Игнатъева, потому что боялся нового возвышения графа Петра А. Шувалова, против которого он затаил недоброе чувство еще с того времени, когда Шувалов, будучи шефом жандармов, подозревал Победоносцева в посредничестве между наследником и ненавистными Шувалову московскими славянофилами. Шувалов был неприемлем Победоносцеву и как печальный герой берлинского конгресса ²³, и как представитель антинационального направления внешней политики. Победоносцев и додержал Игнатъева до мая 1882 г., когда, сблизившись с своим предшественником по обер-прокурор-

* Номер 512. 9 дек. 1881 г.

** Речь идет о Екатерине Александровне Победоносцевой, жене К. П.

*** Номер 516. 20 дек. 1881 г.

**** Номер 517. 22 дек. 1881 г.

скому посту, графом Д. А. Толстым, он обрел в нем того человека, которого он желал видеть во главе министерства внутренних дел.

Такая же, приблизительно, была история и с бароном Николаи. До времени Победоносцев, который сам провел его в министерство, но, по-видимому, в нем разочаровался, считал нужным его поддерживать. Однако в ниже приводимом письме от 1 февраля 1882 г. уже чувствуется близость замены его И. Д. Деляновым.

«Хотел писать вам, по обычаю, из Гатчины 22 января; но помешали. Ездил в Гатчину опять улаживать и улаживать. Барон Николаи сделал одно неловкое распоряжение. Был составлен план устранить его и поставить на место его Делянова. Бог знает, лучше ли стало бы от этого, а обстоятельства сложились так, что увольнение Николаи явилось бы несправедливостью. Государь возложил на меня неприятное поручение объясниться с бароном Николаи, и я по совести должен был доложить, что не вижу основательной причины к его увольнению, тем более, что и сам он принял свою должность как жертву. Конечно, такое участие мое в деле не понравилось тем, кто желал противоположного результата» *.

Приведем еще один случай.

«Не успел сегодня выспаться, надо было вставать и ехать в Гатчину. Позвали к завтраку. Потом пили кофей в кабинете у императора. Через 1/2 часа государь ушел с Орловым (посол в Париже), а я остался за болтовнею Шереметевой... Потом я пошел к государю... Я говорил ему, увы, все о том же, о чем говорил всякий раз. Я говорил о крайнем бедствии от того, что они заперты в Гатчине и что от того происходит, о массе слухов и сплетен, о всеобщей неизвестности... Ах, как глухо все это отзывается. Он не видит этого, он не хочет понять, он отвечает фразами вроде того, что от сплетен не отделаешься, что они всегда будут, что его все-таки могут видеть и т. п. Очевидно, он привык. О страшное слово!» **. Почему страшное? Потому ли, что Победоносцев в данном случае был прав с точки зрения династических интересов, и что царь, ото всех прятавшийся, тем самым умалял себя, или же потому, что упрямство Александра III в данном случае не поддавалось влиянию Победоносцева и это обстоятельство будило в последнем те опасения, которые он глухо высказывал в первые дни царствования?

* Номер 534. 1 февр. 1882 г.

** Номер 546. 25 февр. 1882 г.

Пребывание Александра III в Гатчине, куда он выехал в первые дни после воцарения, вместо Москвы, куда его направлял Победоносцев, было предметом его досады еще в конце марта и начале апреля 1881 г. В письме к Александру от 23 апреля Победоносцев говорит: «вместе с тем продолжаю думать, что в. в. необходимо появиться в Петербурге. Постоянное безвыездное пребывание ваше в Гатчине возбуждает в народе множество слухов самых невероятных, но тем не менее принимаемых на веру. Ныне из народа спрашивали уже, правда ли, что государя нет уже на свете и что это скрывают» *.

Такова была техника влияния Победоносцева. Она выработалась задолго до воцарения Александра и это событие не внесло в нее ничего нового. Частые свидания, разговоры наедине, чаще всего по инициативе самого Победоносцева, по его письму, реже по инициативе Александра, требовавшего мнение Победоносцева по определенному вопросу или приглашавшего на интимное совещание вдвоем в царском кабинете. И для Победоносцева Александр III был не упорным, пасмурным и недоверчивым государем, каким он остался в истории, а учеником и последователем, которому, как «губе напояемой», Победоносцев впитывал свои мысли.

* *Novum regnum*, номер 23. «Кр<асный> арх<ив>», кн. 4-я, номер XI. «Письма», I, номер 263.